

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ШКОЛЫ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский История одной школы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25093285

Аннотация

«На заводе произошло событие: прежний владелец продал завод, и новый хозяин назначил новую администрацию. Перемена касалась, собственно, высших сфер завода; что до мелких служащих, то они остались на своих местах, и каждый по-своему относились к происшедшей перемене...»

Николай Гарин- Михайловский

История одной школы

Набросок с натуры

На заводе произошло событие: прежний владелец продал завод, и новый хозяин назначил новую администрацию. Перемена касалась, собственно, высших сфер завода; что до мелких служащих, то они остались на своих местах, и каждый по-своему относились к происшедшей перемене.

Учитель надеялся, что дело примет более благоприятный оборот для школы и для него.

Школа помещалась в старом деревянном флигеле, в котором дуло и поддувало так, что вода зимой замерзала, а учитель не выходил из тулупчика, ежась от холода в своей курке с окном на задний двор.

Надежды учителя не сбылись: не понравились управителю ни школа, ни учитель, – общий тон школы был слишком фамильярный и даже распущенный, идеалист учитель действовал неприятно на нервы положительного управителя.

Неудача не смутила учителя. Он привык к ним. Он решил объясниться с управителем. «Управитель неглупый человек и поймет все дело, когда это дело учитель выяснит ему. Дело

на виду. Невозможное здание школы; дует, и даже свет с улицы виден. Пусть сам убедится, если не верит. Пусть приложит руку к любому подоконнику!» Учитель наудачу подходил и прикладывал руку: из подоконника вылетала струя свежего, морозного воздуха. Ясно, что жить в таком доме нельзя. Ясно, что такая школа только развод всяких болезней. Не менее ясно было, что школа должна быть школой, – в ней должны быть по крайней мере книги, тетради, карандаши. Отказывать ребенку в бумаге, карандаше, даже и для забавы его, – значит отбивать охоту, значит отказывать в возможности делать как следует то дело, для которого идет он в эту школу. Какой при таких условиях может быть успех?! И к кому же ему обращаться, как не к управителю?! Не о себе же идет он хлопотать?!

Учитель усмехнулся.

О себе! Он и так половину своего жалованья тратит на детей. Управитель может сомневаться в нем, – пусть спросит у кого хочет: кто он, что он, любит ли свое дело, занимается ли? И когда убедится, что он никаких личных целей не преследует, что ничего ему, кроме дела, не надо, то он, конечно, и отнесется к нему лучше, чем в первый раз. Он расскажет ему свой взгляд на школьное дело, какие цели он преследует. Он имеет что сказать. Управитель и не ждет встретить в его лице человека, для которого это дело дороже его жизни, который на школу вовсе не смотрит только как на ремесло обучения грамоте: школа – это закваска будущего человека,

и не пустое место должна она оставить после себя, и пример должен быть он – учитель; его любовь к ученикам, его любовь к делу, привычка уважать себя – все это должно вызывать в детях стремление к сознательной, осмысленной жизни. Если старые люди, попадая в какую-нибудь секту, извращенную, ложную, тем не менее молодеют, оживают духом, то что может сделать школа с молодой душой, чуткой на все доброе и хорошее. Какой ею интерес можно вызвать к жизни?! Он твердо уверен, что из его школы незачем будет идти ни в секту, ни в раскол, никто не сделается ни вором, ни конокрадом. Это было бы личным позором для него – личным стыдом: точно он сам бы украл. Учитель обвел своим мягким вдумчивым взглядом грязные стены своей школы.

«Надо идти», – подумал он. Он оделся и пошел к управителю.

Управитель был недоволен распущенностью завода. В делах был беспорядок: на заводе процветало тайное воровство железа, по ночам шлялись ватаги пьяных рабочих, так что даже небезопасно было ходить по улицам, попытка поднять таксу на лес вызвала резкий протест со стороны заводского населения.

Управитель сидел сосредоточенный за письменным столом в своем кабинете и разбирал бумаги. Он угрюмо поздоровался с учителем и показал на стул.

Учитель взволнованно пожал протянутую руку, на мгновение остановился на недовольном, загадочном лице упра-

вителя и проговорил, неловко садясь:

– Я, Николай Евграфович, к вам по поводу школы пришел объясниться. Я видел, что на вас она произвела неудовлетворительное впечатление. Смею вас уверить, что это только первое впечатление. Школа очень хорошо поставлена...

Управитель посмотрел пренебрежительно в сторону.

– Я вам подробно расскажу, какие цели я преследую...

Управитель сделал нетерпеливое движение.

– Мне некогда, – избегая взгляда, проговорил управитель.

– Я, собственно, только хотел сказать, что цели...

Управитель сделал резкое движение и круто повернулся к учителю.

– Я вас прошу оставить меня... цели, цели... точно речь об университете идет. Не Бисмарков готовите: готовите крестьянина, простого крестьянина, и должны дать ему дисциплину... все, что требуется... и не даете... Ларивонов при вас кончил?

– При мне.

– По-вашему, его аттестация какая?

– Это талантливый человек.

Управитель покраснел, сжал зубы, так что они скрипнули, помолчал и медленно, нехотя ответил:

– Сегодня этот талантливый человек отправлен мною в тюрьму за подстрекательство против заводской администрации. Это сам завод на свои средства себе же приготовил...

– Я этого не знал еще, он всегда был увлекающийся...

Школа здесь ни при чем... Это уж свойство его темперамента... Школа не может переделать темперамента.

– А не может, нечего и братья... таково мое мнение...

– По-моему, задача школы дать производительного, честного работника... дать ему тот подъем духа, при котором явится у него сознательный интерес к производительной работе...

– Явится у него стремление все вверх ногами поставить... Я сегодня же пишу владельцу, что нахожу вашу деятельность вредной.

– Я не знаю чем... поверьте же, Николай Евграфович, что все это одно недоразумение...

– Ну, извините, пожалуйста, мне некогда, – резко перебил Николай Евграфович. Он быстро сунул учителю руку и отвернулся к своим бумагам.

Учитель наскоро поклонился и не заметил, как вышел на улицу. Он быстро шел, растерянно оглядываясь, точно потерял что-то. Слезы подступали к горлу. Ах, если бы мог он где-нибудь, как-нибудь сказать так, чтоб выслушали все всю заветную его думу: ведь это все так хорошо... всё, всё бы приняли. Но теперь уж совсем некому говорить.

И в своей тоске он еще сильнее проникался необходимостью своей идеи, еще более любил ее и сильнее было жаль ее теперь, обижаемую, так жаль, как будто это была не отвлеченная идея, а реальное любимое существо, которому вдруг грубо и несправедливо нанесено незаслуженное оскорбле-

ние. Ах, было одно только ясно: он еще сильнее любил, точно хотел усиленной любовью возместить обиду и сжечь ее горечь в разгоревшемся пламени этой любви.

«Я сегодня же напишу владельцу...»

«И я напишу», – мелькнуло в голове учителя.

Он пришел домой и сейчас же сел за письмо. Он писал до тех пор, пока весь керосин не догорел в лампе. Тогда, так как больше керосину не было, он наколот лучин и при свете их закончил свое длинное послание.

Воспрявший духом, свежий и бодрый, съев кусок хлеба, он улегся на свою жесткую кровать, сверх одеяла покрылся своим тулупчиком и сладко, ежась от холода и усталости, заснул здоровым беззаботным сном.

На, другой день, веселый, полный энергии, он весь отдался своей обычной жизни и потонул в ее непередаваемых, только ему уловимых переливах. И жизнь закипела. Счастливый сознанием удовлетворения этой жизни, он среди чумазой толпы своих учеников с обычным чутким интересом прислушивался к новым и новым стрункам своих возбужденных, удовлетворенных питомцев.

Когда занятия кончились, он вместе с детьми вышел на улицу, где бегали его пока еще слишком юные для учения кандидаты.

Как самый искусный вербовщик, он наметил жертву и пошел к ней.

Это был толстый, красный от мороза бутуз с точно раз-

двоенными глазами, маленьким узким лбом, бутуз, который то и дело усердно подтягивал носом и надоедливо, сдвигал назад большую тяткину шапку, мешавшую ему отдаваться удовольствию наблюдать высыпавшую толпу ребятишек.

Учитель прошел мимо своей жертвы, не смотря на нее, круто повернул и взял мальчика за руку.

– Пусти... – испуганно рванулся мальчик.

– Тебя как звать?

– Пусти...

– Его звать Ванька Каин, – шепеляво и вытягивая слова отозвался другой, с мягкими большими умными глазами мальчик.

– А тебя как звать?

– Амплий, – спокойно ответил мальчик.

Ванька, превратившийся было весь в слух, опять строго проговорил:

– Пусти...

– А – хочешь посмотреть картинку?

Учитель вынул маленькую книжку с рисунками раскрашенных зверей.

– Смотри, какой страшный... видишь зубы, а хвост-то какой... он как прыгнет на человека...

Ванька впился в картинку.

Амплий доверчиво через руку учителя тоже смотрел на нее.

Учитель показал другого зверя, третьего.

– Тятка мой как тлеснет тебя... – проговорил Ванька.

– Как треснет?

Ванька тут посмотрел на учителя и вдруг со всего размаху ударил его кулаком по ногам.

– Вот как тлеснет, – сказал он и быстро отбежал.

Но, видя, что учитель его не преследует, остановился и спросил:

– Что, будешь?

– А тятка кого треснул?

– Мамку тлеснул.

– Больно треснул?

– Бо-о-ольно... Кровь пошла.

– Тебе жаль мамку?

Ванька не ответил, повел глазами и, увидев садившуюся на землю ворону, весело показал на нее пальцем учителю.

Ворона, степенно покачиваясь, пошла прямо на Ваньку, остановилась около его ног, боком покосилась на них и, клюнув валенку Ваньки, пошла дальше. Ванька, вытянув шею, замер, не сводя восторженных глаз с учителя.

– Она любит тебя, – проговорил учитель. Ванька сверкнул на ворону глазами, покраснел от напряжения и с визгом: – и-и-и! – расставив руки, бросился к вороне.

Результат письма учителя был тот, что приехал владелец, выслушал учителя, и дело приняло такой оборот, какой не снился учителю: решено было выстроить новую школу. Проект ее был составлен в Петербурге и обстоятельно обсуждал-

ся специалистами. О нем даже заговорили в печати, и по адресу владельца было сказано много лестного.

В газетах писали: «Лучшее здание в Англии принадлежит школе, – путешественник видит его, пока еще остальное селение скрывается в тени этого здания. Счастливые жители завода, приобретшие в лице нового владельца человека, стоящего на таком высоком уровне современных требований жизни».

Радости учителя не было пределов. В школе предполагалось, кроме обучения, завести ремесла. Строился целый дворец. Было чему порадоваться и чем поделиться с детьми.

Фигура учителя выросла в глазах заводских жителей. Была и личная радость: возможность обзавестись семьей.

В новом здании было место для жены.

Мысль о жене, правда, отравлялась немного сознанием, что ему уже тридцать пять лет, но он был так молод душой, что как-то совсем не чувствовал своих лет, и ему все казалось, что он по-прежнему только что начинающий жить молодой человек.

– Это несчастье иметь дело с людьми, не знающими жизнь, – говорил управитель владельцу соседнего имения. – И умный, и добрый, и хороший, а дал себя сбить просто, можно сказать, сумасшедшему человеку.

– Вы про владельца?

– Положительно, хоть отказывайся. Я хочу сделать по-

следнюю попытку образумить и, если не удастся, оставлю место. Из Петербурга все хорошо, а тут что ж прикажете делать, если каждый по-своему начнет.

– Я еду в Петербург: попробую помочь вам.

– Не мне – ему помочь. Сам же спасибо скажет.

Судьба была за управителя. Пока велись переговоры, учитель простудился и умер от тифа, бредя своей школой.

В холодный зимний день отнесли его на кладбище. Торопливо, озабоченно шагали за гробом покинутые дети.

Там, на могиле, их глаза с тоскливым недоумением смотрели, как забрасывали мерзлой, холодной землей их учителя.

Завтра они уж не найдут того, кому они, маленькие оборвыши, были дороги.

О, дети отлично понимали этот удовлетворенный, веселый, тревожно-ревнивый взгляд, с каким встречали их в старой покосившейся школе. Понимали и жили беспечной, счастливой жизнью детей, тех счастливых детей, которых любят.

Даже и для большого завода это была слишком блестящая школа: громадные высокие комнаты, зеркальные окна-двери. Солнце весело играло на паркетных полах, на блестящих полированных скамьях, на сверкающих шкафах большой ученической библиотеки. За учебными комнатами шли

залы с мастерскими для девочек и мальчиков.

Тонкая, с вытянутой шеей десятилетняя Варюша в длинном, плохо сшитом ситцевом платье, в валенках, с прямым разделом гладко причесанных, сведенных в одну косичку волос, с повязанным поверх них туго накрахмаленным ситцевым платком, подтягивала носом, робко жалась к знакомым ребятишкам Ваньке и Амплию и в толпе остальных осматривала новое помещение.

Дети возвратились назад в классную, и учитель, остановившись у дверей своей квартиры, проговорил им:

– Ну, дальше вам нечего смотреть, ступайте домой. Завтра аккуратно в восемь часов приходите. Кто опоздает, жалуйся на себя.

Новый учитель, высокий, худой, провожал своими маленькими глазами детей. В прихожей стоял сторож.

– Ты смотри мне, – прикрикнул он, засунув руки в рукава своего отставного мундира и перегнувшись вперед, Ваньке Каину, мазнувшему пальцем по гладкой масляной стене.

Ванька весело покосился и бросился к выходу, надавливая на толпу.

– Цыц ты, – прикрикнул на него сторож и сделал движение к Ваньке.

Ванька стремительно выбежал на улицу и, довольный, забыл думать и о стороже, и об учителе, и о школе.

Дела пошли своим чередом. Выбор нового учителя был предоставлен усмотрению управителя.

На том же стуле, на котором когда-то сидел прежний учитель, теперь сидел новый и, удовлетворенный, делился своими впечатлениями с управителем.

Управитель снисходительно слушал, сознавая необходимым поощрить полезно направленную энергию нового педагога.

– У меня, Николай Евграфович, длинных разговоров нет: урок задан, объяснен, спрошен – и с богом: лишние проводы, лишние слезы.

Николай Евграфович молча кивнул головой.

– Порядок для всех один: хочешь? – милости просим, нет – вот бог, а вот порог. Если с каждым заводить свои порядки, так ведь, помилуйте, скружат... Хоть про покойников и не следовало бы худо говорить, а уж, сказать по правде, и развел же делов мой коллега, не тем будь помянут. Это просто умора: дневник его я читаю. И чего-чего ни напишет! И выдающийся, и талантливый, и такой, и сякой... и все у него выдаются... – Учитель рассмеялся сухим смехом. Николай Евграфович снисходительно улыбнулся. – А ведь извольте вот... ему-то хорошо теперь лежать там: никто не придет, а ты тут распутывай, да наладь, да обратай лошадку: норовистого-то конька ой-ой как исправлять... Я, Николай Евграфович, не знаю, как вы, а по-моему, зачем простолюдину таланты его разыскивать? Его талант какой: если ты землю пахешь – и паши, не ленись, люби жену свою, будь добрый хозяин; на заводе ты – работай правильно, без облыжки,

не кради. Время есть, научился грамоте, почитай разумную книжку в праздник, чем в кабак-то идти да по ночам по улицам шляться. Какой еще талант? Чего ему с ним делать? Не знаю, может, я и ошибаюсь...

– Нет, я разделяю ваш взгляд. Там, через двести лет, что будет, то и будут разговаривать... а наше дело – простое, несложное дело, и, не мудрствуя лукаво, надо и делать его.

Близ заводских порогов однажды весною разбило барку.

И старый, и малый, и весь завод спешили на берег.

Для Ваньки Каина было истинным мучением в такой день идти в школу.

Он стоял на углу тех улиц, из которых одна шла к школе, а другая к реке, мучительно крутил свои пальцы и упрямо смотрел своими маленькими, раздвинутыми глазами перед собою. От напряжения его толстое, широкое лицо кривилось, и маленький узкий лоб то и дело сдвигался в морщинки. На зов мимо шедших товарищей, спешивших в школу, он только сердито поводил плечом и продолжал упрямо смотреть перед собой.

В классе ученики толклись у дверей учительской квартиры и, убежденные, что нелегкая понесет-таки Ваньку на берег, громко, так, чтобы слышал учитель, говорили:

– Ваньке влетит.

Урок уже начался, когда дверь отворилась и неожиданно вошел Ванька. Вошел довольный собой, с расплывшейся довольной улыбкой на лице.

– Стань к доске, – проговорил учитель, не глядя на Ваньку.

Ванька пошел к доске. Там он стоял, широкий, маленький, злой и раздраженный, поздно сожалея, что не убежал на берег.

Урок шел своим чередом.

– Амплий, повтори!

Встал Амплий, и голова его едва виднелась из-за скамьи. Большие мягкие глаза его смотрели на учителя сознательно, не по-детски умно, он топтался и точно собирался с силами, чтобы начать:

– К примеру, если...

– Не надо «к примеру», – перебил учитель.

Амплий замолчал, собрался с силами, открыл рот, опять открыл и опять ничего не сказал.

– Не могу, – рассмеялся ласково-просительно Амплий.

Амплий был любимец учителя.

– Ну, не можешь, в уме скажи «к примеру», а громко прямо начинай.

Амплий поднял глаза к потолку, прошевелил губами: «к примеру», и начал:

– К примеру, если человек украл там что-нибудь, так это худо, а хуже еще того оговорить человека.

– Хорошо, только зачем ты опять сказал «к примеру»?

– Так уж... – развел руками Амплий.

– Ты напиши вот, что сказал, вычеркни «к примеру», а

остальное выучи и скажешь мне.

– Слушаю, – ответил весело Амплий.

Учитель продолжал:

– Вещь украл, поймают и накажут, – ученика выгонят из школы, – большого в тюрьму посадят. Ну, погубил себя, да только себя, а ославил другого, доброе имя украл его – и чужую душу загубил.

Ванька напряженно смотрел, и мысль о берегу прожигала его.

– Ванька, повтори.

Ванька злыми глазами впился в учителя.

– Не хочу, – ответил он.

– Не хочешь? – кивнул головой учитель, подходя к Ваньке. – Ах ты, язва маленькая, так не хочешь?

Учитель напряженно смотрел в глаза Ваньки и, вдруг успокоившись, равнодушно проговорил:

– Ну, когда захочешь, скажи, а до тех пор домой не пойдешь.

Ваньке ясно было, что если он не пойдет домой, то и на берег не попадет. Ясно было и то, что и на берег ему до смерти хотелось. Но совершенно неясно было, отчего ему не хотелось, хоть режь его пополам, повторить слова учителя.

Урок кончился, началась рекреация¹, и Ванька ходил, весь поглощенный одной мыслью попасть на берег.

«Если ученик украл, его прогонят», – запало в Ванькину

---

¹ перемена (от лат. *recreatio*).

голову.

Он осторожно пробрался на кухню учителя. На столе стояла кастрюля, и в кухне никого не было. Ванька схватил обеими руками эту кастрюлю и понес ее так осторожно, как будто нес какое-нибудь сокровище.

Ученики удивленно встретили Ваньку с его оригинальной ношей.

– Ты куда волокешь? – спросил Амплий.

– Украл... на базар продавать.

Хохот учеников еще больше возбудил Ваньку.

– У-у! украл, украл! – весело-напряженно повторял Ванька и пустился бежать. Ученики повалили за Ванькой в переднюю. И в передней сторожа не было. Ванька оделся, схватил кастрюлю и выскочил на улицу.

Интересное кончилось, и толпа детей побежала за его продолжением.

– Ванька украл кастрюлю, – толпились они у дверей учителя.

– И на базар понес продавать...

Ваньку поймали уже на базаре и в тот же день выгнали из школы.

О Ваньке поговорили-поговорили и забыли, как забывали и о всех тех, которых от поры до времени выбрасывал за борт последовательный учитель.

Но Ванька не забыл о себе. Не нужный учителю, его оце-

нили другие.

В двадцать лет Ванька был первый конокрад, первый мастер по сбыту краденого железа.

– Просто, братец мой, цены парню нет, – хвалили товарищи, – куда хошь, только оглаживай, знай, его...

– А без этого хоть брось...

Амплий кончил школу, кончила и Варюша.

Амплий поступил надсмотрщиком на завод, а Варюша горничной в семью управителя.

Судьба опять свела Ваньку и Амплия. Ванька работал на заводе, а Амплий надсматривал. Вечером Ванька с другим таскал с завода припасенное днем железо, а Амплий расставлял сторожей так, чтоб не видать Ваньку.

Амплий хорошо знал, что крадут железо: да что он тут мог поделать? Сегодня поймает, а завтра самого найдут где-нибудь мертвого под забором. В заводе жизнь особенная, налаженная десятками, а на других и сотнями лет. Амплий понимал, что ничего он тут не поделает, а себя погубит. Амплия уважали за это, называли умным парнем, носили ему когда и гостинец. Любило Амплия и начальство, и все смотрели на молодого парня, как на человека, у которого хорошо обеспеченная будущность. Амплий ходил в щегольских высоких сапогах, в синей тонкого сукна поддевке, по воскресеньям ходил в церковь, а после церкви, пообедав, сидел на завалинке, грыз семечки и беспечно глазел по сторонам.

– Девка красная... ты... идешь, что ль?

И веселая ватага парней останавливалась перед Амплием и, подмигивая, ждала ответа.

– Не пойду, – мотнув головой, отвечал Амплий.

– Бабник, – говорили пренебрежительно парни, – пойдет теперь лясы девкам точить...

Амплий действительно любил девичье общество.

Ванька Каин, наоборот, был равнодушен к «женскому словию», и только спокойная, уравновешенная Варюша производила на него неотразимое впечатление. Варюша гнала энергично Ваньку, и хоть минутами и тянуло что-то в ней к нему, но воли она себе не давала.

Да и партия была не равна. А Варюша была девушка с расчетом: аккуратная, строгая, умная, хозяйственная. Одних платьев до десяти было. Самое большое удовольствие Варюши было прийти, бывало, домой и начать раскладывать свое богатство. Пересмотрит всё, сложит назад в сундук и пойдет на барский двор, удовлетворенная осмотром.

Случай помог Ваньке. Загорелась изба Варюшиной матери. Варюша опрометью прибежала с барского двора.

– Сундук, сундук! – кричала она и, сморщившись, испуганно смотрела в горевшие окна.

– Поздно, Варюша, – ласково проговорил Амплий. Так и села Варюша на землю: «сомлела», по народному выражению. Разгорелось сердце Ванькино.

– Лей воды! Брандебай! Вытащу.

Нашли воды, направили на него струю, и Ванька бросился в сени, каким-то чудом удалось ему не сгореть и появиться через несколько томительных мгновений с сундуком в руках.

Одно лишнее промедление – и пропал бы Ванька. С обгорелыми волосами, лицом и руками подтащил он к Варюше сундук и сказал:

– Бери!

Так сказал, что и про сундук Варюша забыла. Подарила Ваньку в первый раз настоящим взглядом. Ванька был не промах, повел дело искусно, и Варюша стала сдаваться. Даже мысль о худой славе перестала страшить Варюшу. О ком не толкуют? не пойман, значит, не вор.

Дело испортилось неожиданно и негаданно. Ванька попался в конокрадстве, и его посадили в тюрьму. Дело приняло другой оборот с Варюшей. Через шесть месяцев, когда Ваньку выпустили, Варюша уже была объявлена невестой Амплия.

Ванька, как услышал об этом, не поверил. Он побежал на барский двор.

– Врешь, не вырвешься! – шептал он. – Матрешка, подь сюда, – поманил он в барских воротах маленькую девочку, дочку судомойки.

– Чего тебе?

– Ходь сюда.

Когда девочка подошла к воротам, Ванька как-то сконфуженно сказал ей: «Скричи на час Варюшу, – и так как Мат-

рена нерешительно раздумывала, то он повторил проситель-
но: – Скричи... гостинца дам».

Девочка повернулась и пошла к барскому дому. Разыскав Варюшу в передней, она проговорила, не вынимая изо рта пальца:

– Слышь, Ванька кличет тебя.

Варюша быстро прошла в коридор и проговорила оттуда изменившимся голосом:

– Не пойду...

– Нейдет, – лениво крикнула девочка, выйдя во двор.

Ванька сконфуженно оглянулся. «Матреша, подь сюда... – для чего-то понижая, прикипевшим голосом позвал Ванька. – Ходь, дурочка, на вот тебе деньги».

Матреша нерешительно опять подошла и взяла протяну-
тый ей дрожащей рукой пятак.

– Ты скажи Варюше, что мне больно нужно ее видеть.

– Ладно.

– Больно, мол, просит, – крикнул вдогонку девочке Ванька. Он стоял, точно прирос к земле, и весь назойливо впился глазами в подъезд заднего крыльца, точно пронизать его хотел, чтобы самому увидеть, что там делает Варюша. А сердце, как пойманная птица, так и билось в груди. С открытым пересохшим ртом Ванька все стоял и смотрел.

Вышла Матреша. Упало у Ваньки сердце.

– Нейдет, – грустно проговорила девочка, подойдя к нему.

– О-о! Что нейдет?.. – тихо, испуганно спросил Ванька.

– Бат, не забыл он здесь ничего, и я не забыла у него.

– Так и сказала?

– Так и сказала.

– Ой, Матреша, что ж это она со мной сделала?! – жалобно, почувствовав какую-то боль, проговорил Ванька. Он сел на скамью, закрыл лицо руками и тихо, пискливо, как ребенок, заплакал. Матреша смущенно, в упор смотрела на него. Ванька плакал, раскачивая из стороны в сторону головой.

Какая-то не то жалость, не то злость разобрала Матрешу. Она заговорила быстро, глотая слова:

– Он ей все гостинцы носит, на базар ходили, себе кушак красный купил... надел, идет...

Так и встал перед Ванькой нарядный, довольный Амплий... Не его больше Варюша!

– Э-э! – рывкнул он нечеловеческим голосом и зарыдал. Из рта его вылетали пузыри, лицо надулось и покраснело, ему было больно, что Варюша не его, что тюрьма сгубила его, что все опостылело ему.

К Ваньке подошел товарищ его Андрей.

– Не робь, парень, – тихо проговорил он, подсаживаясь к Ваньке, – дай срок, Егоркина мерина слижем, так закутим, люли малина!

Точно ножом по сердцу резнуло Ваньку.

– Постылая жизнь, – вскипел он, так и замер. – Красть да по тюрьмам валяться?! А они здесь миловаться за его здоровье станут, чай-сахар распивать... Врешь, не будет!! – заре-

вел он диким голосом, и все закипело в нем и загорелось, и, вскочив, вытянув шею, он уставился налившимися глазами в подъезд.

На другой день утром весть разнеслась по заводу: на одном из дворов завода нашли уже застывшее тело Амплия. На перекладине своих дверей висел Ванька Каин, синий, с широко раскрытыми, выпяченными глазами, точно вдруг увидел что-то страшное, да так и застыл...

– Берегись, девка, – пропела Офросиньюшка, ключница, Варюше. – Парень-то письмо оставил.

Екнуло сердце Варюши: долго ли подлецу погубить девушку. Шутка сказать, висельник помянет в записке.

– Еще что? – ответила скрепя сердце Варюша. – Кто что делать надумает, а на человека валят?

– Никто не валит, говорю только.

– Айда, письмо Ванькино принесли!

И вся дворня побежала к конторе. Только Варюша не пошла.

– Оправдалась, – разочарованно крикнула ключница Варюше, возвращаясь с остальными. – Только и написал, что погубил свою да Амплиеву душу... Напугалась?

– Как не напугаться, – вздохнула стряпка, – долго ли на девку конфуз положить.

– Храни господь, – ответила равнодушно ключница.

«Храни господь, – а сама первая», – подумала Варюша, неся барыне воду.

Точно камень с души свалился у Варюши. То было ругала Ваньку, а тут жаль стало: перекрестилась, вздохнула и прошептала: «Прости, господи, несчастную душу!»

В школе все говорили о Ванькиной и Амплия смерти. Так же играло солнце, такое же утро было, как некогда, когда Ваньку поставили к доске, только вместо Ваньки у доски стоял Пимка, да учитель точно высох и еще длиннее стали его ноги.

– Такой же будешь, – проговорил учитель, ставя Пимку к доске, – как и Ванька.

Попал в цель учитель. Пимка сразу притих и потянулся тоскливо глазами за золотыми нитями ярких лучей, так весело, так беззаботно игравших в полированной поверхности шкафа.

Новые события скоро заставили забыть на заводе и о Ваньке и об Амплии. Владелец завода назначил комиссию для выяснения интересного вопроса: почему производства его завода почти перестали давать доход?

Комиссия работала долго и много и потрудилась недаром. Открылись очень интересные вещи...

Ох, уж эти статистики! Недаром сердце Николая Евграфовича, всегда такого невозмутимого, так неприятно замирало каждый раз, когда он проходил чрез комнаты, где они усердно занимались. И что только ни собирали эти статисти-

ки, и откуда только ни вылавливали, что им надо было. Тайную продажу железа и ту раскопали. И не только раскопали, но и высчитали с точностью до пуда, сколько каждый год кралось этого железа, и все это вырисовали в графиках. Красивы были эти графики. График железа краденого, график разбоев, убийств, график конокрадства, график пьянства и много всяких других. Что-то чуялось в воздухе. Смутный говор шел по заводу.

Варюша со страхом заглянула в таинственные графики, оставленные на столе: посмотрела на красные, черные черточки, на кривые черточки то вниз идущие, то вверх опять, – всё выше да выше...

– Очень, очень интересно, – любопытствовал сосед-помещик. – Ну и как же, например, вы определили количество ворованного железа?

– Затрата труда на пуд определена, цены взяты существовавшие, – разность, следовательно, действительной стоимости и того, во что обходится заводу, и будет цена краденого железа. Деля на стоимость пуда, получим количество пудов украденного железа.

– И кресчендо идет?

– Все графики кресчендо, кроме графика доходности. Лет пятнадцать тому назад началось было некоторое понижение, но потом опять пошло кверху. Одно воровство железа на двадцать восемь процентов увеличилось.

– К каким же мерам думает прийти комиссия для подъема

доходности?

– Да, изволите ли видеть, хоть взять воровство железа. Здесь производительная деятельность возможна только с помощью все того же местного населения: не стражу же на-нимать. Следовательно ясно, что прежде всего необходим нравственный подъем этого населения. Школа, не та, конечно, которую организовал усердный Николай Евграфович. Не школа, думающая о том, как бы отвратить вред, угадав и выдернув негодяя вовремя, – это дело полиции, – а школа творческая, созидательная, думающая о том, что без умных, талантливых работников – дело станет... Как оно и стало, – закончил статистик.

– Ну, возлагать все упования на школу, – усмехнулся помещик, – тоже, кажется, вряд ли будет основательным...

– Если школа и приведет к большим требованиям рабочего, то и даст он больше. А теперь никаких требований, правда, нет, зато ничего и не дает завод. Следовательно крах уже есть, а нравственное растрепывание является еще премией за систему.